

Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства¹

Виталий В. БИРЮКОВ

Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Для цитирования: Бирюков, В. В. (2024). Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства. *AlterEconomics*, 21(2), 230–252.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4>

Аннотация. Радикальные экономические перемены актуализируют значимость исследования фундаментальных вопросов развития национальных экономик с учетом особой роли государства. Цель статьи — выявление концептуальных особенностей конкурирующих стратегий исследования экономической роли государства и разработка парадигмальных основ альтернативной стратегии. Показано, что мейнстримовская и неортодоксальная стратегии изучения экономической роли государства базируются на общей парадигме, в соответствии с «жестким» ядром которой субъекты экономики руководствуются только частными экономическими интересами. Поэтому считается, что государство находится вне экономики и оказывает на нее внешнее воздействие. Из-за отсутствия общих экономических интересов возникает «трагедия общих благ»: у государства нет объективных оснований для регулирования экономической деятельности в интересах достижения общего блага. Предлагаемая парадигма предусматривает отказ от понимания «жесткого» ядра в русле «*homo economicus*» и его трактовку в соответствии с двойственной природой субъекта экономики как «*homo economicus dual*». На данной основе аргументируется необходимость рассмотрения сложных процессов, происходящих на трех основных уровнях экономики, исходя из того, что народ является источником и верховным субъектом экономической власти, а построение государством системы властных отношений обусловлено потребностью поддержания устойчивого развития экономики на основе достижения приемлемого баланса общенациональных и частных интересов. Представлено, что государство как высший субъект власти от имени общества формирует систему отношений собственности, устанавливая правила владения и пользования ресурсами национальной экономики. В связи с этим народ как верховный субъект власти выступает и в качестве верховного собственника, а различные институциональные формы собственности становятся проявлением общенародной формы собственности, совладельцами которой являются все субъекты национальной экономики. Предлагаемое понимание общих закономерностей формирования экономической роли народа и государства способствует разработке реалистичных представлений о конструировании эндогенных механизмах развития национальных экономик.

Ключевые слова: национальная экономика, экономическая власть, народ, государство, экономические отношения собственности, общественная форма собственности

¹ © Бирюков В. В. Текст. 2024.

RESEARCH ARTICLE

State and Development of the National Economy as a Complex System: Revising Paradigmatic Foundations

Vitaly V. BIRYUKOV

Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

For citation: Biryukov, V. V. (2024). State and Development of the National Economy as a Complex System: Revising Paradigmatic Foundations. *AlterEconomics*, 21(2), 230–252. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4>

Abstract. Radical economic changes highlight the importance of studying the fundamental aspects of national economic development, emphasizing the special role of the state. This article aims to clarify different strategies used to examine the economic role of the state and establish foundational paradigms for an alternative approach. It demonstrates that both mainstream and heterodox strategies are based on a common paradigm where economic entities are driven solely by private interests, positioning the state as an external entity that intervenes in the economy. This approach leads to the “tragedy of the commons,” where the state lacks a basis for regulating economic activity for the common good. The proposed paradigm rejects the traditional “homo economicus” model in favor of “homo economicus dualis,” recognizing the dual nature of economic actors. Within this approach, the focus is made on complex economic processes across three primary levels, assuming that people are the ultimate source and key actors of economic power. The state’s management of power relations is aimed at fostering sustainable economic development by balancing national and private interests. The article posits that the state, as the supreme authority on behalf of society, forms a system of property relations by establishing ownership and resource use rules. Consequently, the people, as the ultimate authority, also act as the supreme owners, making various institutional ownership forms manifestations of national ownership, of which all economic actors are co-owners. This understanding of the economic roles of the people and the state fosters realistic ideas about designing endogenous mechanisms for national economic development.

Keywords: national economy, economic power, people, state, economic property relations, social form of ownership, economic role of the state

1. Введение

Современные геополитические и политико-экономические процессы порождают новое качество институциональных трансформаций, связанных с фрагментацией мирового хозяйства, обуславливая появление новой волны переосмысления процесса развития суверенной экономики как сложной системы с учетом особой роли государства. В результате выполненных исследований возникла весьма обширная литература, описывающая большое многообразие видов экономической деятельности государства. В рамках различных экономических теорий и школ по-разному трактуется роль государства в экономике, его цели, задачи и функции, значение политики государственного патернализма, цивилизационной и формационной составляющих в развитии современного государства (Блок, 2004; Колганов, 2022; Ткаченко, 2023; Павленко, 2023). Вместе с тем сегодня отмечается, что наблюдающийся ренессанс дискуссий по вопросам природы и функций государства отражает необходимость выхода на новый уровень понимания методологических проблем системного видения экономики, которые ставят современные геополитикоэкономические практики (Десаи, 2020). В связи с этим акцентируется внимание на то, что с утратой классовых отношений политико-конфронтационной формы государство становится не только актором политическим, отчасти представляющим интересы общества, но и экономическим (Ананьин и др., 2018; Бузгалин, 2019).

Разработка конкурирующих подходов к изучению экономики и экономической деятельности государства сегодня происходит на основе мейнстримовской и неортодоксальной стратегий. Основные изменения в современном мейнстриме связываются с сокращением интереса к «большим теориям» и усилением прикладного характера экономических исследований; при этом утверждается, что в результате процессов междисциплинаризации все менее обоснованным видится тезис о доминировании неоклассики в экономическом дискурсе (Аузан и др., 2023; Мальцев, 2024; Шаститко, 2024). Критики мейнстримовских теорий указывают на необходимость выявления природы кризиса экономической науки и перехода к новой теоретико-методологической платформе, а также смены существующей модели экономического образования, базирующейся на абсолютном доминировании неоклассики, адекватной реалиям модели, которая учитывает основные идеи неортодоксального направления и формирует знания, позволяющие решать современные задачи (Бузгалин, Колганов, 2023; Некипелов, 2023).

Сегодня поиск удовлетворительного познавательного подхода во многом связывается с созданием плюралистической методологии, учитывающей распространённость неравновесных процессов в экономике, а также влияние социальных и институциональных факторов (Rodrik, 2018; Lari, 2021; Рогожникова, 2023). Вместе с тем важно учитывать, что когнитивный потенциал методологического поворота, который возник в конце прошлого века и вызвал проникновение в экономический мейнстрим идей институционализма и психологии, себя почти исчерпал, что приводит к уменьшению теоретических изысканий. Библиографический анализ указывает на то, что следует ожидать вступления экономической теории в новый этап, связанный с ростом внимания к концептуальным идеям социологии, с помощью которых неортодоксальные экономисты всегда стремились создавать свою теорию (Ross, 2022; Кирдина-Чэндлер, 2023). Современные попытки предложить постинституциональный подход к анализу экономики с позиции теории сложности также основываются на использовании идей социологии (Трубицын, 2024). Одновременно в рамках сложившегося внутридисциплинарного дискурса вне внимания остается фундаментальная методологическая проблема, связанная с тем, что процессы «междисциплинаризации» опираются на давно устаревшую парадигму, возникшую еще в XIX в. (Бирюков, 2023а). В связи с этим утвердилось искаженное видение проблемного поля роли государства в развитии национальной экономики как сложной системы.

Таким образом, в настоящее время возникла настоятельная потребность выхода на качественно новый уровень исследований национальной экономики как сложной, саморазвивающейся системы в контексте особой роли государства и с учетом формирования современных подходов к изучению социальных систем. В связи с этим предметом исследования является роль государства в национальной экономике как сложной, саморазвивающейся системе, включающей экономические взаимоотношения государства с другими ее субъектами. Цель исследования — выявление концептуальных особенностей конкурирующих стратегий исследования экономической роли государства и разработка парадигмальных основ альтернативной стратегии. Основные задачи состоят в следующем:

— пересмотреть проблемное поле с позиции современной (неклассической) общенаучной методологии и социального конструктивизма;

— обосновать роль государства как особого субъекта экономической власти, реализующего общенациональные интересы при построении институциональной экономики;

— установить общие закономерности связи экономической власти государства с формированием экономических отношений собственности.

2. Современная общенаучная методология и социальный конструктивизм – парадигмальный ориентир исследования государства как субъекта сложной экономической системы

Методология предлагаемого исследования исходит из особенностей формирования современного (неклассического) знания, которое характеризуется изучением сложных, саморазвивающихся систем (систем более сложного типа, чем саморегулирующиеся системы). Целостность таких систем обеспечивается наличием особого блока управления, прямых и обратных связей между ним и подсистемами. Развитие данного типа систем происходит в условиях неравновесия и неопределенности будущего и включает фазовый переход от одного вида саморегуляции к другому. «Человекообразные» системы требуют для своего освоения особой категориальной матрицы, которая учитывает синергетические эффекты системной связанности элементов уровневой организации, включение ценностных факторов в состав объясняющих положений; а также необходимость наряду с понятием «внешнего» времени вводить понятие «внутреннего» времени (Стёпин, 2012).

В рамках современной общенаучной методологии, в отличие от экономической науки, в социальной философии, социологии, исторической макросоциологии, политологии и теории государства и права сложилась соответствующая идеям конструктивизма исследовательская традиция, которая основана на признании личностно-социальной природы человека и способности субъектов создавать в результате достижения ценностного согласия соответствующие общим интересам институциональные формы взаимодействий (Moon, 2013; Jung, 2019; Панов, 2015; Алексеева, 2022; Тихомиров, 2022; Гранин, 2024). Фундаментальным изъяном утвердившихся сегодня направлений экономических исследований является то обстоятельство, что они сложились в рамках общей парадигмы и не позволяют изучать национальную экономику как сложную саморазвивающуюся систему (хотя часто это декларируется).

Формирование современной исследовательской парадигмы обусловлено особенностями эволюции экономических знаний в последние два столетия. В доиндустриальный период мыслители Древности и Средневековья не отделяли государство от общества и считали, что цель государства — обеспечение общего блага. С переходом к капиталистической экономике взаимодействия человека с государством и обществом приобретают более сложный характер в условиях возрастания значимости рыночных отношений. В этих условиях одним из первых, кто провел грань между гражданским обществом и государством, стал Гегель, утверждавший, что гражданское общество является сферой борьбы частных интересов, в которой господствуют слепые экономические законы, поэтому необходима политическая деятельность государства в интересах органического целого (Гегель, 1990, с. 228, 286). В соответствии с гегелевским видением экономики сформировалась немецкая школа, представители которой предложили использовать социокультурные и институциональные феномены для описания поведения субъектов экономики. На данной основе утвердились неортодоксальная стратегия исследований эконо-

мики и возникшая на основе заимствования ее идей и выступающая ее «усеченной» версией мейнстримовская стратегия (Бирюков, 2023а).

В современном мейнстриме различные версии описания роли государства в экономике с помощью идей неинституциональной и поведенческой теорий, в т. ч. в виде модели патерналистского государства, исходят из представлений об его деятельности как внешнем вмешательстве в экономику. Различия в экономических моделях сводятся к количественным вариациям степени «вмешательства» государства в экономическую жизнь; крайними версиями являются модель минимальной роли государства классического либерализма и модель максимальной роли государства, почти устраняющего влияние рынка. В неортодоксальных исследованиях внимание акцентируется на качественных различиях, связанных с тем, чьи интересы учитываются государством при распределении ресурсов и национального дохода (Сэмюэлс, 2002; Блок, 2004).

Парадоксальность когнитивной ситуации, возникшей в экономической науке, заключается в том, что при всех различиях в концептуальных подходах и критике представлений о связи базиса и надстройки все они исходят из трактовки экономики как пространства стихийных форм борьбы частных экономических интересов, над которым возвышаются социокультурная, политическая и юридическая «надстройки», характеризующие особенности сложившегося общественного сознания. В результате все разрабатываемые экономические теории фактически становятся разными версиями теории «управляемого» хаоса, связанными с рассмотрением внешнего влияния на экономическую деятельность тех или иных неэкономических по своей природе институциональных правил, которые создаются государством как политическим субъектом и именуются «политико-экономическими» или «экономическими» институтами. В связи с этим возникает детерминистская версия зависимости от «надстройки» экономического «базиса», в котором отсутствуют блок управления и общие экономические интересы, определяющие национальные особенности развития экономики.

Утвердившаяся исследовательская парадигма не только не позволяет содержательно изучать экономику как сложную саморазвивающуюся систему и экономическую деятельность государства, но и находится в явном противоречии с доминирующими исследовательскими подходами, сложившимися в политологии и правоведении, которые связаны с рассмотрением политической и юридической деятельности государства, ориентированной на реализацию национальных интересов. Так, В.П. Макаренко пишет, что современная экономическая теория базируется на недоказанном постулате, который состоит из двух принципов: субъекты экономики никогда не поступают в соответствии с общими интересами; частный интерес — главный мотив экономического действия. В результате, для описания политической деятельности государства надо отбросить все концепции общественного блага как зависимого от экономических интересов граждан. Поэтому возникает трагедия общих благ: общее благо недостижимо ни посредством рынка из-за его провалов, ни с помощью государства, поскольку у субъектов отсутствуют общие экономические интересы. В данных условиях претензии правительства на реализацию общего блага становятся выражением просвещенного деспотизма (Макаренко, 2009, с. 160). С аналогичной неразрешимой проблемой сталкиваются и правоведы, которые также не могут представить теоретически обоснованный подход к построению государством системы правовых институтов в соответствии

с общенациональными интересами, способствующими успешной реализации общих экономических интересов (см., например, (Степаненко, 2021)).

Для выхода из кризисного состояния, как утверждает А.Д. Некипелов, нужно иметь в виду, что сама экономическая теория никогда не выводила полностью за рамки своего предмета явления, которые мы традиционно относим к политике, культуре, психологии и даже производству (Некипелов, 2023). Сложившееся видение проблемного поля экономики способствует формированию дисциплинарных перегородок, отделяющих экономическое от политического, правового, социологического и исторического. «Доминирующей идеологией западных стран является англо-американский эмпирический реализм, для которого любые формы диалектического мышления представляют угрозу и чья задача, по существу, состоит в том, чтобы служить средством контроля над общественным сознанием... Метод подобного мышления, в его различных формах и видах, предполагает разделение реальности на герметичные части ... чтобы весь комплекс связей любой конкретной проблемы всегда оставался невидимым» (Jameson, 1971, p. 367–368).

Современный мейнстрим, как пишет Дж. Б. Дэвис, основан на концепции *homo economicus* и характеризуется ценностной нейтральностью, редукционистским моделированием, формализацией и ограниченной междисциплинарностью, что порождает две ключевые проблемы: ценностную слепоту в отношении диапазона и сложности человеческих ценностей и фатализм в отношении человеческого поведения (Davis, 2023). Вместе с тем следует учитывать, что методологический фундамент мейнстримовской и неортодоксальной стратегий состоит из «жесткого» ядра и периферии и предполагает, что экономические мотивы субъекта порождают появление только частных интересов, а неэкономические мотивы — общественных интересов. Такой подход к анализу поведения человека Р.И. Капелюшников охарактеризовал как «антропологический» дуализм, или, если так можно выразиться, как «шизофреническое» раздвоение (Капелюшников, 2018, с. 121).

Для исследования экономики как сложной саморазвивающейся системы необходимо отказаться от утвержденного табу, связанного с трактовкой ее «жесткого» ядра в виде *homo economicus*, исходя из признания в соответствии с интеллектуальной традицией, заложенной еще древнегреческими философами, двойственной природы человека (Шубрт, 2014). Следует принимать во внимание, что классики политической экономики в русле аристотелевской этики исходили из концепции двойственной природы экономической деятельности человека — «*homo economicus dual*», а не из концепции «*homo economicus*». В рамках классической теории К. Маркс показал необходимость изучения развития экономической системы в рыночных условиях с позиции двойственного характера труда, выражающего ее основное противоречие — «... противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного ...» (Маркс, 1988, с. 124). В силу двойственного характера экономической деятельности субъекты выступают одновременно носителями индивидуальных и общих характеристик экономической культуры общества; обладают широким спектром экономико-ценностных ориентаций и связанных с ними экономических мотивов и интересов (Бирюков, 2023b).

Изучение развития экономики с позиции системного подхода порождает потребность рассмотрения общества как реальной группы людей, которые в рамках сложившихся институциональных связей действуют совместно и скоординировано для достижения общих интересов и целей. Такой подход противоре-

чит представлениям сторонников методологического индивидуализма, которые в связи с игнорированием наличия у субъектов общих мотивов и интересов считают, что общество представляет удобный термин, а не онтологическую реальность. Так, Д. Норт и его коллеги пишут, что общество не является актором. Действия совершают не общество, а индивиды; а термин «общество» можно использовать как удобное сокращение более громоздкой конструкции (Норт и др., 2011, с. 56). Критикуя данную точку зрения, Р. Бхаскар отмечает, что очень немногие люди в наши дни стали бы защищать тезис, что, например, магнитное поле — это только мысленная конструкция, однако такой взгляд на общество остается широко распространенным (Бхаскар, 1991, с. 105). В связи с этим К.Х. Момджян обращает внимание на то, что общество — реально существующий феномен, который обладает такими интегральными свойствами, как собственные потребности, интересы и цели, характеризующие схожие интересы и цели людей; но интересы и цели общества не содержат то, что не нужно его членам (Момджян, 2023).

Согласно традиционной марксистской точке зрения, общество является реальной группой людей, преследующих общие интересы и цели лишь в условиях отсутствия классов. В классовых обществах возникает деление на эксплуататоров и эксплуатируемых, что исключает существование общих экономических интересов и целей. Однако наличие в обществе социальных противоречий и вызванных ими конфликтов может не мешать людям действовать совместно, создавая общепринятые формы экономических взаимодействий. Общий язык и культурная традиция нации, как пишет В.Т. Рязанов, превращают различающихся многими признаками индивидов и групп в общность, в которой они скреплены узами, как правило, более прочными и устойчивыми, чем социально-классовые (Рязанов, 2010). История свидетельствует о том, что в классовом обществе могут возникать разные типов конфликтов классовых интересов. Классовый антагонизм является особым типом конфликта интересов, при котором конфликтное взаимодействие перешло в антагонистическое противостояние социальных групп, исходящее из отсутствия области объективно схожих интересов. Это «признак „больного” общества, которое должно быть заменено иным видом социальной организации» (Момджян, 2023).

Признание нации (народа) как реально существующего актора позволяет анализировать развитие национальной экономики исходя из того, что этот процесс складывается в ходе экономической деятельности людей, которые проживают в рамках определенной территории; они обладают общими и специфическими экономико-ценностными представлениями и интересами и, в связи с этим, способны создавать и трансформировать институциональную систему связей. На данной основе становится возможным изучение экономики как сложной саморазвивающейся системы, в которой государство как ее коллективный субъект от имени общества и в его интересах использует экономическую власть, а также политические и правовые инструменты. В результате возникает перспектива исследования развития экономики с помощью эндогенной версии междисциплинарного подхода, в отличие от экзогенной версии.

3. Роль государства как особого субъекта экономической власти, реализующего общенациональные интересы при построении институциональной экономики

Для разработки адекватного видения процессов развития национальной экономики как сложной, саморазвивающейся системы важно принимать во внима-

ние возникшую в ходе эволюции представлений о деятельности государства интеллектуальную традицию ее изучения. Она сложилась на основе понимания того, что для поддержания устойчивости государства его деятельность должна быть ориентирована на реализацию общего блага. Как отмечает О.В. Мартышин, архаичные и религиозные системы, рассматривавшие государство как семью, а царя как отца подданных в древности и Средневековье, сторонники теории общественного договора в Новое время, либералы, позитивисты, консерваторы XIX в., сегодняшние приверженцы идеи социального государства — все сходятся на том, что целью деятельности государства является использование власти в интересах общества и для обеспечения общего блага (Мартышин, 2018).

Современные интеллектуальные традиции трактовки государства восходят, прежде всего, к патерналистским представлениям народов Древнего Востока и Древней Греции, а также договорной теории. Концепция патернализма, акцентирующая внимание на важность неформальных норм, в сочетании с идеями божественного происхождения власти характерна для всех древних и средневековых обществ. Важно отметить, что, хотя Аристотель писал о государстве как о большой семье, он считал, что для устойчивости государства необходимо использовать как неформальные нормы, так и законы. Идеи договорной теории сформулировали софисты Древней Греции, на их основе в XVII—XVIII вв. создана теория общественного договора, которая провозгласила народ источником государственной власти и принадлежность суверенитета народу.

Сегодня смысловое расширение концепта государства, связанное с переосмыслением аристотелевских и классических трактовок, сопровождается созданием различных теоретических образов, в большинстве случаев прямо или косвенно связанных с различными формами власти. Данное смысловое ядро обретает свои категориальные очертания в разных теоретических схемах и терминах (Соловьев, 2016). Проблемы власти в настоящее время активно исследуются представителями различных социальных наук. Вместе с тем эти проблемы находятся на периферии внимания сторонников мейнстрима, которые их или не рассматривают, или сводят к частным формам проявления, связанным с отклонениями от естественного состояния экономики, возникающими в результате «провалов» рынка, и вмешательством внешних сил (государства, монополий и т. д.).

В противоположность мейнстримовским исследованиям сторонники альтернативного направления исходят из того, что «власть неизбежная часть процесса производства, и это — истина для экономических систем, капиталистических, социалистических и вообще каких бы то не было» (Тоффлер, 2002, с. 53). При этом отмечается, что «первой задачей национальной экономики является открытие конкретных фактов, обосновывающих экономическую власть, и исследование действительного влияния экономической власти» (Ойкен, 1996, с. 19). Для неортодоксальных институционалистов центральной экономической проблемой являются организация и контроль в экономике, другими словами, образование и преобразование властной структуры. Они не отрицают аспектов сотрудничества, но подчеркивают важность конфликтов и силовой борьбы, которая возникает, когда экономические субъекты и их группы борются за выгодное положение и результаты деятельности. Центральное микроэкономическое утверждение заключается в том, что распределение ресурсов и доходов является не функцией рынка, а реализацией власти в экономике (Сэмюэлс, 2002). Проблема неортодоксальных описаний

состоит в том, что они основаны на экзогенной интерпретации влияния властных отношений на экономическое поведение субъектов.

Наблюдающийся сегодня поиск в общественных науках подходов к построению системы властных отношений все больше связывается с необходимостью раскрытия понятия «народ» («нация») и целого ряда производных («национальные ценности», «национальные интересы» и «национальная безопасность» и др.), которые стали важнейшей составляющей научного дискурса. При этом обращается внимание на то, что суверенитет народа характеризует фундаментальный принцип первичности права народа на верховную власть в государстве, что проявляется в признании и конституционном закреплении доминирующего положения народа в государстве, который выступает в качестве всеобщего властвующего субъекта и стоит над всеми властями, обладая первоначальным и неотчуждаемым верховенством. При этом народовластие реализуется с помощью непосредственных и опосредованных форм при формировании системы властных отношений (Курданова, 2021).

Происходящий поиск концептуального каркаса, альтернативного экономическому мейнстриму, порождает необходимость проведения исследований, направленных на выявление закономерностей развития национальных экономик с учетом особой роли нации (народа). В связи с этим В. Т. Рязанов обращает внимание на то, что роль нации проявляется, прежде всего, в особенностях организации хозяйства, которое выступает неотъемлемой сферой формирования соответствующего мировоззрения и ценностных ориентаций, а экономические знания каждой страны отражают своеобразие национального менталитета и определенного типа мыслительной деятельности. Поэтому хозяйствующие субъекты в реальной экономике не могут рассматриваться как абстрактный «экономическим человеком», а выступают «национальным человеком» (Рязанов, 2010).

Для перехода к реалистичной парадигме необходимо исходить из понимания того, что относительно устойчивое развитие национальной экономики возможно лишь при формировании институциональных связей; такие связи должны оцениваться людьми как достаточно справедливые и способствующие реализации на приемлемом уровне общих экономических интересов. В связи с этим важно изучать многоуровневую экономическую реальность опираясь на то, что народ является источником и верховным субъектом экономической власти, а построение государством системы властных отношений неизбежно связано с реализацией общенациональных интересов. Все субъекты экономики в силу двойственной (индивидуально-общественной) природы, являясь носителями индивидуальных и общенациональных интересов, выступают участниками процесса формирования и реформирования общенародной власти. На данной основе возникает феномен власти народа, который характеризует сложный и противоречивый процесс развития экономики, складывающийся в ходе выполнения государством от имени народа и в его интересах роли высшего субъекта экономико-властных отношений. Фактически существование феномена экономической власти народа сегодня фиксируется во многих институциональных теориях, когда утверждается, что любые политико-экономические системы могут сохраняться достаточно долго, если они опираются на соответствующий нравственный порядок, предполагающий, что «в качестве действенных принимаются только те нормы, которые выражают всеобщую волю» (Хабермас, 2000, с. 100).

В настоящее время в различных общественных науках используется давняя интеллектуальная традиция описания общественной жизни и деятельности государства на основе выделения субстанционального и регулятивно-процессного аспектов (Shils, 1975; Соловьев, 2016; Момджян, 2022; Гранин, 2024). В связи с этим представляется важным, опираясь на данную традицию, изучать сложный процесс реализации народом с помощью государства своей роли верховного субъекта экономической власти. В результате возникает возможность рассматривать процесс формирования эндогенных по своему статусу институциональных связей с учетом того, что на поверхностно-событийном уровне экономической реальности проявляются процессы, происходящие на двух других уровнях — среднем и глубинном (Lawson, 2003; Клейнер, 2019).

Субстанциональный (ценностно-нормативный) анализ ориентируется на рассмотрение народа как уникального экономико-культурного феномена, выступающего в качестве структурно-сложного совокупного субъекта хозяйствования в масштабе национальной экономики, а также на установление особенностей проявления экономико-культурных ценностей и интересов народа в экономической деятельности государства. Данный анализ предполагает изучение воспроизводства и изменения центральной зоны (ядра) национальной модели экономики, которая складывается в ходе взаимодействия занимающих во властном пространстве разные позиции акторов, являющихся носителями общих и индивидуальных экономико-культурных ценностей. При этом сформированные в результате достижения компромисса общенациональные экономические ценности и интересы, в той или иной степени соответствующие меняющимся реалиям, становятся основой проведения государством экономической политики, выбора и реализации приоритетов трансформации национальной экономики с учетом характера изменений в разделении труда и международной конкуренции.

Регулятивно-процессный (институционально-инструментальный) аспект изучения роли народа как верховного субъекта экономической власти связан с исследованием особенностей формирования государством в общенациональных интересах институциональных регуляторов развития национальной экономики с учетом динамики внутренних и внешних связей, а также стратегий поведения акторов и происходящей борьбы за перераспределение ресурсов. Регулирование государством экономики предполагает использование консенсусных методов, способствующих решению проблем и конфликтов. На данной основе могут создаваться национальные модели с различными конфигурациями институциональных дисфункций, которые обусловлены использованием комбинаций побудительных и принудительных методов, увеличивающих возможности правящих групп по перераспределению общественных ресурсов и национального дохода. При этом могут возникать национальные модели с разными легитимными видами привилегий и угнетений, которые «подгоняются» доминирующими акторами под свои интересы и поддерживаются «искаженными» представлениями (Sayer, 2007). В государствах с высоким уровнем противоречий формируется институциональное насилие, поддерживаемое культурным насилием. Данный тип насилия часто латентен, люди привыкают к такой модели государственного регулирования и молчаливым согласием ее легитимируют (Bourdieu & Wacquant, 1992).

Пересмотр сложившейся парадигмы предусматривает рассмотрение национальных экономик с учетом того, что они, как и все социальные системы, «на-

делены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах» (Стёпин, 2012, с. 21). Неоклассическая методология, как отмечал Д. Норт, не позволяет понять природы координации и сотрудничества и их роли в эволюции экономических систем, которая происходила в результате развития сотрудничества от простых форм соглашений и обмена до сложных форм (Норт, 1997, с. 28, 54). В связи с этим В.М. Полтерович пишет, что мейнстримовские предположения об эгоистической природе человека и конкуренции как главной движущей силой прогресса приводят к искаженным представлениям о ключевых тенденциях социально-экономического развития; однако идея примата институтов сотрудничества над механизмами конкуренции приобретает эмпирические основания (Полтерович, 2016, с. 5–6). Предлагаемая парадигма ориентирует на изучение траектории развития национальной экономики с учетом особенностей конструирования вертикальных и горизонтальных взаимодействий субъектами властных отношений, которые стремятся получить наибольшие выгоды от сотрудничества и конкуренции. При этом устойчивость экономики возникает при преобладании отношений сотрудничества, поскольку доминирование конкуренции приводит к деинституционализации связей макрокооперации.

Успешность развития национальной экономики зависит от уровня институциональной сбалансированности и возникающего макрооперационного эффекта. Складывающийся в национальной экономике ценностно-нормативный компромисс определяет границы легитимной вариации дисбалансов интересов. Увеличение институциональных дисфункций приводит к повышению роли принудительных методов, снижению значимости побудительных мотивов, уровня доверия к власти и разрушению институциональных связей. При приближении к границам легитимной вариации дисбалансов интересов происходит резкое нарастание кризисных процессов.

В соответствии со статической версией неоинституционализма обычно считается, что минимизации транзакционных издержек являются главной функцией экономических институтов и центральной проблемой неоинституциональной теории (Rosser & Rosser, 2017). Предложенная перспектива позволяет изучать эндогенные механизмы выбора форм взаимодействий субъектами на разных уровнях экономики, которые создаются на основе достижения ценностного согласия о возможности получения наибольших общих экономических выгод от рационального сочетания эффектов кооперации и конкуренции с учетом трансформационных и транзакционных издержек.

Представленное понимание общих закономерностей построения системы властных отношений в национальной экономике способствует парадигмальному изменению видения роли государства в формировании экономических отношений собственности.

4. Экономическая власть государства и формирование экономических отношений собственности

Одним из фундаментальных системных вопросов, лежащих в основе изучения тенденций и проблем развития экономики и экономической роли государства, является вопрос о природе и содержании отношений собственности. Относительно трактовки понятия собственности сложилась давняя дискуссия;

это связано с тем, что в отношениях собственности «мы раскрываем ...скрытую основу всего общественного строя» (Маркс, 1986, с. 860). Современная экономическая мысль исходит из экзогенных по своему статусу конкурирующих подходов к исследованию экономических отношений собственности, пытаясь охарактеризовать их сложный характер.

В рамках неинституционального подхода была предложена теория «пучка прав» собственности, у истоков которой стояли два известных американских экономиста — Р. Коуз и А. Алчиан; хрестоматийным считается трактовка права собственности, которую сформулировал английский юрист А. Оноре, выделивший 11 правомочий (Honore, 1961). Неинституциональная версия описывает локальный (микроэкономический) уровень взаимодействий субъектов экономики; в данной версии, исходя из методологического индивидуализма, фирма рассматривается как юридический феномен; действующим экономическим лицом считается индивид, а не организация.

Неортодоксальные институционалисты, в отличие от неинституционалистов, в соответствии с интеллектуальной традицией, которая восходит к идеям мыслителей Древнего мира и немецкой исторической школы, интерпретируют все экономические институты, в т. ч. и институт собственности, с позиции общества в целом. В связи с этим фокусируется внимание на то, что институт собственности создается в интересах общества, является общественным по своей природе и функциональному назначению, а также фактически указывается на его двойственный характер. Так, ведущий представитель австрийской школы Л. Мизес писал: «Частная собственность не является привилегией владельца собственности, а является общественным институтом, служащим добру и выгоде всех несмотря на то, что она может в то же время быть особенно приятной и полезной для некоторых» (Мизес, 1995, с. 35). На данной основе в прошлом веке в теории государства и права утвердилась доктрина социальной функции собственности, которая привела к появлению ключевого направления проведения конституционных реформ во многих государствах и формированию гражданского законодательства, исходя из необходимости регулирования отношений частной собственности в общественных интересах для решения возникающих новых социально-экономических проблем. При этом конституционные нормы современных государств предусматривают отказ от системы собственности, при которой индивидуальный интерес имеет безусловное преимущество перед интересами общества, поскольку использование собственности должно одновременно служить общему благу (Щенникова, 2022).

Происходящая сегодня трансформация национальных экономик, сопровождающаяся усложнением экономических связей, ростом многообразия форм собственности и повышением роли государства, порождает необходимость разработки подходов, позволяющих перейти с поверхностного уровня познания экономической реальности к более глубокому уровню. В теории государства и права сегодня проблемы экономико-правового регулирования собственности в соответствии с общественными интересами активно разрабатываются на основе пересмотра концепции общенародного достояния, распространенной в советский период, и создания концепции публичной собственности, выступающей проявлением римской правовой традиции, с учетом использования феномена публичной собственности в странах романского права. Понятия публичных интересов и идеи «общего блага» получают развитие применительно к государственному и муниципальному уровню.

ципальному имуществу в рамках публичного и административного законодательства; при этом важным становится изучение сочетания публичных и частных начал в регулировании вещных отношений (Винницкий, 2013).

Следует отметить, что в советской политэкономии сложились различные подходы к анализу собственности (Мельник, Ананьин, 2023). Вместе с тем при всех недостатках данных подходов их сторонники стремились выработать описание советской экономики как многоуровневой саморазвивающейся системы, при изучении которой общественную собственность большинство политэкономов рассматривали в качестве основного производственного отношения социализма, а представители Цаголовской школы МГУ — экономико-правовой формы основного отношения. При этом пересмотр представлений о месте и роли государства в советской экономике в 1960-е гг. способствовал распространению мнения о том, что его деятельность как центра по формированию эндогенных по своему статусу экономических связей совершается в сфере экономического базиса общества, поэтому государство как собственник предприятий является элементом базиса (Абалкин, 1970, с. 33). В современных условиях важным направлением поиска адекватных реалиям форм собственности и сфер их распространения, обеспечивающих реализацию экономических интересов общества, является концепция общественной собственности. В рамках данной концепции указывается на многообразие форм проявления общественной собственности (государственная и коллективная в массе ее разновидностей — от кооперативов до собственности некоммерческих негосударственных организаций). При этом подчеркивается, что государственная собственность выступает в качестве общественной формы собственности в том случае, если ее объекты используются в интересах общества в целом, а не бюрократического аппарата и капитала (Рязанов, Осадин, 2006; Бузгалин, 2021).

Сложившаяся интеллектуальная традиция изучать процессы формирования отношений собственности в контексте развития экономики в общенациональных интересах нуждается в концептуальном переосмыслении с учетом особой значимости права собственности на результаты труда. Как писал еще А. Смит: «Самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще» (Смит, 1962, с. 104). Важно принимать во внимание, что, в силу двойственного характера труда, индивидуальные и коллективные субъекты экономики руководствуются одновременно частными и общественными интересами, осуществляя хозяйственную деятельность в рамках тех или иных общепризнанных (институциональных) форм владения и пользования национальными ресурсами, а также присвоения части национального продукта.

Предлагаемая исследовательская перспектива ориентирует на пересмотр сложившегося понимания различий экономик Запада и не Запада, которое основано на получившей широкое распространение концепции власть-собственность и связано с интерпретацией внешнего вмешательства государства в отношения собственности. Важно учитывать, что создаваемый в экономике валовой внутренний продукт (ВВП) является следствием реализации кооперационного эффекта, который возникает в результате использования в ходе совместной хозяйственной деятельности имеющихся на данной территории ресурсов. Государство как высший субъект экономической власти от имени общества и в его интересах формирует и трансформирует многоуровневую систему экономических отношений собствен-

ности, устанавливая нормы и правила владения и пользования субъектами ресурсами национальной экономики. В связи с этим народ как верховный субъект власти выступает и в качестве верховного собственника, а возникающие в рамках общего экономико-властного пространства разнообразные институционализированные формы собственности, обусловленные особенностями экономической деятельности, становятся проявлением общественной (общенародной) формы собственности, совладельцами которой являются все субъекты национальной экономики. Поэтому при анализе различных моделей экономики необходимо отказаться от ограниченной трактовки системы экономических отношений собственности и традиционного разделения субъектов на собственников и несобственников.

Общенародная (общественная) форма собственности как обобщенная и структурно сложная форма выражения общенациональных интересов исторически и логически выступает исходным пунктом изучения системы экономических отношений собственности. Она является системообразующим основанием развития отношений собственности и характеризует уровень их сбалансированности с точки зрения соотношения общих и частных интересов. Процесс осуществления системной трансформации отношений собственности, связанный с реализацией общенациональных интересов, является противоречивым и определяется особенностями циклопричинной связи изменений, происходящих на разных уровнях национальной экономики. Во-первых, на ценностно-нормативном уровне возникает переосмысление сложившихся базовых представлений о построении отношений собственности и утверждение на основе достигнутого в обществе ценностного компромисса обобщенного видения эволюции данных отношений, исходя из ожидаемых трендов развития разделения труда в условиях меняющейся реальности. Во-вторых, на институционально-регулятивном уровне складываются процессы, связанные с выполнением государством роли высшего собственника в рамках возникшего ценностного согласия. Государство реформирует систему вертикальных и горизонтальных институциональных связей, определяющих особенности распределения прав владения и пользования ресурсами национальной экономики между всеми субъектами экономики в контексте возникающих угроз и вызовов. При этом для обеспечения устойчивого развития экономики важным является конструирование с учетом происходящей борьбы за доступ к национальным ресурсам институциональных механизмов, которые позволяют поддерживать некоторый баланс отношений сотрудничества и конкуренции и включают применение различных ограничений прав собственности, вплоть до экспроприации.

Для понимания особенностей проявления экономических и правовых начал при формировании многообразных форм собственности важное значение приобретает происходящий сегодня пересмотр традиционной (моноструктурной) концепция собственности, в соответствии с которой существует «одно право — одна вещь», и разработка сложноструктурной концепции, идеи которой восходят к представлениям античных ученых. Значительный вклад в разработку данной концепции внес известный советский цивилист А.В. Венедиктов, который указывал на важность различия отношений собственности «по горизонтали» и «по вертикали» (Венедиктов, 1948, с. 65). Сегодня потребность привлечения идей разделенной собственности объясняется тем, что усложнение экономической реальности требует глубокого осмысления вертикальных отношений собственности, а концепция разделенной собственности может существенно способствовать

этому. В реальной экономике формирование иерархической системы организации властных отношений сопровождается возникновением разнообразных проявлений форм общенародной собственности, которая складывается при условии приемлемого уровня соответствия отношений собственности общенациональным экономическим интересам. Вопреки распространенным представлениям, хозяйственная деятельность малых, средних и крупных предприятий, применяющих различные формы собственности, в связи с их включенностью в некоторую ценностно-институциональную систему, связана с реализацией не только частных, но и общенациональных экономических мотивов и интересов.

Государство выступает как в качестве организатора изменений форм собственности, так и гаранта прав всех совладельцев общенациональной собственности на присвоение части национального продукта с учетом необходимости поддержания устойчивого развития экономики. При этом используемый в национальной экономике капитал важно рассматривать как экономический институт, характеризующий общепринятое право владения и пользования субъектом общенациональной собственностью в общих интересах. Как писал Г. Форд, капитал — это «... фонд, доверенным обществом данному лицу и идущий на пользу общества... Никто не имеет права считать подобный излишек личной собственностью, ибо не он один его создал» (Форд, 1989, с. 155). Для создания успешных механизмов развития национальной экономики важно отказаться от абсолютизации значимости частной и государственной форм реализации общественной собственности и конструирование в соответствии с национальными реалиями баланса экономических интересов. Сегодня обращается внимание на то, что все современные экономики являются централизованными с вариативной долей рынка. В этих условиях, как показывает В. С. Мартьянов, концепция власть–собственность из способа объяснения отличий Запада и не Запада превращается фактически в объяснение закономерностей формирования властью институционального ядра современных обществ, в которых рушится привычная социальная стратификация. Властные критерии доступа новых социальных групп к общественным ресурсам часто оказываются важнее, чем собственность и связанный с ней имущественный статус. Разница между современными обществами в контексте воспроизводства власти–собственности сводится к второстепенным характеристикам и к риторике, что в одних обществах власть доминирует над собственностью, а в других крупная собственность контролирует доступ к власти. Однако нигде нет реальной автономии одного от другого (Мартьянов, 2021). Экономическая политика современного государства, как подчеркивает А. И. Соловьев, представляет «форму фактического распределения общественных ресурсов, осуществляемого под влиянием доминирующих игроков, пытающихся сочетать общегосударственные цели с собственными интересами» (Соловьев, 2016, с. 99–100).

Сложившиеся мейнстримовские подходы к анализу экономики, как пишет Р. Десаи, выступают по своей сути космополитическими и неокOLONиалистскими; они недооценивают, если не отрицают, значимость национальных государств и экономик (Десаи, 2020, с. 18). Происходящая сегодня смена модели российской экономики, обусловленная принципиально новыми вызовами, сопровождается существенным возрастанием роли государства в формировании механизмов суверенного развития национальной экономики, связанных с конструированием соответствующим реалиям гибких методов регулирования экономической деятельно-

сти. Создаваемые успешные практики реформирования устаревшей экономической модели убедительно свидетельствуют о необходимости отказа от сложившейся парадигмы, способствующей ложному видению картины экономической реальности. Также они подтверждают важность использования исследовательской перспективы, основанной на признании особой экономической роли народа и государства в построении национальной хозяйственной системы в соответствии с верховенством национальных экономических интересов.

5. Выводы

Происходящие глубокие перемены в современной экономике порождают появление различных исследований, ориентированных на более реалистичное теоретическое описание роли государства в развитии национальной экономики. В то же время вне внимания остается фундаментальная проблема, связанная с тем, что сложившиеся исследования остаются фрагментированными, поскольку не приспособлены к рассмотрению вопросов развития национальных экономик как сложных систем. Это обусловлено тем, что мейнстримовская и неортодоксальная стратегии описания экономической роли государства опираются на общую парадигму, которая возникла под влиянием идей Гегеля и немецкой исторической школы и опирается на «жесткое» ядро, согласно которому субъекты руководствуются только частными экономическими мотивами и интересами. В результате для объяснения экономического поведения субъектов используются экзогенные теоретические интерпретации с привлечением социальных феноменов. Опора на недоказанное «жесткое» ядро парадигмы исключает возможность изучения экономики как сложной системы, обладающей собственным блоком управления, и приводит к созданию детерминистских версий зависимости экономики от политических, правовых и иных социокультурных факторов. В рамках сложившейся парадигмы экономисты не могут теоретически обосновать наличие общих экономических интересов в экономике; в результате возникает «трагедия общих благ»: у государства нет объективных оснований для регулирования экономической деятельности в интересах достижения общего блага, а у политологов и правоведов — для выработки рекомендации с учетом общих экономических интересов.

Для выхода из сложившегося парадигмального тупика требуется отказаться от трактовки субъекта экономики в русле «*homo economicus*» и трактовать его в соответствии с двойственной природой как «*homo economicus dual*». Предлагаемая исследовательская перспектива исходит из необходимости пересмотра традиционной сетки экономических категорий на основе включения в нее феноменов «народ» и «государство» в качестве особых коллективных субъектов. В результате возникает возможность содержательного изучения механизмов развития национальной экономики как сложной системы с учетом противоречивых процессов, происходящих на ее ценностно-нормативном и институционально-инструментальном уровнях. В этом случае нужно исходить из того, что народ является источником и верховным субъектом экономической власти, а государство от имени народа формирует систему властных отношений, позволяющую поддерживать устойчивое развитие экономики на основе приемлемого баланса общенациональных и частных интересов. При этом важнейшей экономической функцией государства как высшего субъекта власти является построение соответствующей общенациональным экономическим интересам системы отношений собственности, правил

владения и пользования субъектами ресурсами национальной экономики. В связи с этим важно признать, что народ как верховный субъект власти выступает и верховным собственником, а разнообразные институциональные формы собственности становятся проявлением общенародной формы собственности, совладельцами которой являются все субъекты национальной экономики. Предлагаемое понимание общих закономерностей формирования экономической роли народа и государства позволяет отказаться от использования эклектичных и фрагментированных описаний и способствует разработке адекватных реалиям механизмов построения национальной экономики, исходя из верховенства общенациональных экономических интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абалкин, Л. И. (1970). *Политическая экономия и экономическая политика*. Москва: Мысль, 232.
- Алексеева, Т. А. (2022). Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. *Политические исследования*, (4), 77–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07>
- Ананьин, О. И., Воейков, М. И., Гловели, Г. Д., Городецкий, А. Е., Гринберг, Р. С., Рубинштейн, А. Я. (2018). *На пути к новой экономической теории государства*. Под ред. А.Я. Рубинштейна. Москва: ИЭ РАН, 109.
- Аузан, А. А., Мальцев, А. А., Курдин, А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики*, (10), 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26>
- Бирюков, В. В. (2023а). Системная парадигма и разработка стратегий построения институциональных экономических теорий. *AlterEconomics*, 20(3), 505–526. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2>
- Бирюков, В. В. (2023б). Экономическая модель человека в контексте системного подхода к изучению экономики. *Экономическая наука современной России*, (3), 155–165. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-3\(102\)-145-155](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-3(102)-145-155)
- Блок, Ф. (2004). Роли государства в хозяйстве. *Экономическая социология*, 5(2), 37–56.
- Бузгалин, А. В. (2019). Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация. *Экономическая наука современной России*, 86(3), 7–18. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-7-18](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-7-18)
- Бузгалин, А. В. (2021). Общественная собственность и ее государственная форма: противоречия и потенциал СССР. *Экономическая наука современной России*, 95(4), 122–127. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-122-127](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-122-127)
- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2023). Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно. *Вопросы экономики*, (11), 141–160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160>
- Бхаскар, Р. (1991). Общества. *Социологос* (с. 219–240). Москва: Прогресс.
- Венедиктов, А. В. (1948). *Государственная социалистическая собственность*. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 840.
- Винницкий, А. В. (2013). *Публичная собственность*. Москва: Статут, 732.
- Гегель, Г. В. Ф. (1990). *Философия права*. Москва: Мысль, 524.
- Гранин, Ю. Д. (2024). «Цивилизации» — «реальные», «воображаемые» или «конструируемые» сообщества? *Вопросы философии*, (2), 14–24. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-14-24>
- Десаи, Р. (2020). *Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи*. Научный редактор С. Д. Бодрунов. Москва: ИНИР им. С. Ю. Витте: Центр каталог, 328.
- Капелюшников, Р. И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения. *Вопросы экономики*, (5), 110–128. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-5-110-128>

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics*, 20(1), 59–78. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4>

Клейнер, Г. Б. (2019). Принципы двойственности в свете системной экономической теории. *Вопросы экономики*, (11), 127–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149>

Колганов, А. И. (2022). Экономическая функция государственного патернализма: производство опекаемых благ или инвестиции в развитие? *Общество и экономика*, (10), 5–16. <https://doi.org/10.31857/S020736760021857-1>

Курданова, М. Х. (2021). Современная конституционная реформа в контексте реального народовластия. *Государство и право*, (7), 183–189. <https://doi.org/10.31857/S102694520016189-8>

Макаренко, В. П. (2009). Политическая концептология: первые итоги разработки. *Полис. Политические исследования*, (6), 149–167.

Мальцев, А. А. (2023). Петр I и междисциплинарный синтез. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 3–19. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-1>

Маркс, К. (1986). *Капитал. Т. 3. Кн. 3. Ч. 2*. Москва: Политиздат, 1080.

Маркс, К. (1988). *Капитал. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала*. Москва: Политиздат, 891.

Мартышин, О. В. (2018). К истории понятия «государство». *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, (4), 37–48.

Мартьянов, В. С. (2021). В поисках другого мейнстрима. *Полис. Политические исследования*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>

Мельник, Д. В., Ананьин, О. И. (2023). Дискурс о собственности в советской политэкономии. *Вопросы экономики*, (10), 27–52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-27-52>

Мизес, Л. (1995). *Либерализм и классические традиции*. Москва: Дело, 284.

Момджян, К. Х. (2022). Субстанциальный подход в теоретическом обществознании, его необходимость и принципы. *Вопросы философии*, (2), 71–82. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-2-71-82>

Момджян, К. Х. (2023). Общество как институциональная форма существования социальной реальности. *Вопросы философии*, (4), 18–28. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-18-28>

Некипелов, А. Д. (2023). Кризис общей теории и некоторые проблемы экономического обоснования. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 239(1), 36–44. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-239-1-36-44>

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; под науч. ред. и с предисл. Б. З. Мильнера. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 180.

Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгафт, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. Москва: Изд-во Института Гайдара, 480.

Ойкен, В. (1996). *Основы национальной экономики*. Пер. с нем. А. Ю. Чепуренко, В. И. Рубцова, В. П. Гутника; под общ. ред. В. С. Автономова, В. П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. Москва: Экономика, 351.

Павленко, Ю. (2023). Цивилизационная и формационная составляющие в развитии современного государства. *Общество и экономика*, (12), 5–14. <https://doi.org/10.31857/S020736760029159-3>

Панов, П. В. (2015). Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность. *Полис. Политические исследования*, (3), 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>

Полтерович, В. М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции. *Вопросы экономики*, (11), 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-5-23>

Рогожникова, В. Н. (2023). Предмет и основные направления современной философии экономики. *Вопросы философии*, (11), 23–33. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-11-23-33>

Рязанов, В. Т. (2010). Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, (3), 66–84.

- Рязанов, В. Т., Осадин, Н. Н. (2006). Общественная собственность и ее роль в формировании рыночной модели экономики России. *Проблемы современной экономики*, 1/2 (17/18), 54–59.
- Смит, А. (1962). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: Социально-экономическое издательство, 688.
- Соловьев, А. И. (2016). Государство как производитель политики. *Полис. Политические исследования*, (2), 90–108. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.08>
- Степаненко, Р. Ф. (2021). Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем. *Государство и право*, (5), 42–54. <https://doi.org/10.31857/S102694520014854-0>
- Стёпин, В. С. (2012). Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция. *Вопросы философии*, (5), 18–25.
- Сэмюэлс, У. (2002). Институциональная экономическая теория. Под ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт, *Панорама экономической мысли в конце 20 века. Т.1* (с. 125–141). Санкт-Петербург: Экономическая школа.
- Тихомиров, Ю. А. (2022). Субъекты и их интересы в правовом пространстве. *Государство и право*, (7), 7–21. <https://doi.org/10.31857/S102694520021006-7>
- Ткаченко, Л. И. (2023). Формирование современной научной парадигмы как основы экономической политики России. *Экономическая наука современной России*, 103(4), 22–38. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4\(103\)-22-38](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4(103)-22-38)
- Тоффлер, Э. (2001). *Метаморфозы власти*. Москва: ООО «Издательство АСТ», 362.
- Трубицын, Д. В. (2024). Постинституционализм против экономической науки: критический анализ. *Вопросы экономики*, (3), 143–159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-3-143-159>
- Форд, Г. (1989). *Моя жизнь, мои достижения*. Москва: Финансы и статистика, 206.
- Хабермас, Ю. (2000). *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Санкт-Петербург: Наука, 380.
- Шаститко, А. Е. (2024). Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса. *Вопросы экономики*, (1), 137–153. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-137-153>
- Шубрт, И. (2013). Индивидуализм versus холизм: о попытке преодоления теоретического дуализма. *Вестник РУДН. Серия Социология*, (1), 28–46.
- Щенникова, Л. В. (2022). Вещное право в отражении зарубежной цивилистики. *Государство и право*, (12), 145–151. <https://doi.org/10.31857/S102694520020674-2>
- Bourdieu, P., Wacquant, J. (1992). *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 348.
- Davis, J. B. (2023). Objectivity in Economics and the Problem of the Individual. *Journal of Economic Methodology*, 30(4), 276–289. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2023.2181374>
- Honore, A. M. (1961). Ownership. In A. W. Quest (Ed.), *Oxford essays in jurisprudence* (pp. 112–128). Oxford University Press.
- Jameson, F. (1971). *Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton: Princeton University Press, 432.
- Jung, H. (2019). The Evolution of Social Constructivism in Political Science: Past to Present. *SAGE Open*, 9(1). <https://doi.org/10.1177/2158244019832703>
- Lari, T. (2021). When does Complementarity Support Pluralism about Schools of Economic Thought? *Journal of Economic Methodology*, 28(3), 322–335. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2021.1945659>
- Lawson, T. (2003). *Reorienting Economics*. London: Routledge, 416.
- Moon, D. S. (2013). ‘Tissue on the Bones’: Towards the Development of a Post-Structuralist Institutionalism. *Politics*, 33(2), 112–123. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12004>
- Rodrik, D. (2018). Second Thoughts on Economics Rules. *Journal of Economic Methodology*, 25(3), 276–281. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2018.1490441>
- Ross, D. (2022). Economics is Converging with Sociology but not with Psychology. *Journal of Economic Methodology*, 30(2), 135–156. <http://dx.doi.org/10.1080/1350178X.2022.2049854>

Rosser, J. B., Rosser, M. V. (2017). Complexity and Institutional Evolution. *Evolutionary and Institutional Economic Review*, 14(2), 415–430. <https://doi.org/10.1007/s40844-016-0060-3>

Sayer, A. (2007). Moral Economy as Critique. *New Political Economy*, 12(2), 261–270. <https://doi.org/10.1080/13563460701303008>

Shils, E. (1975). *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press, 516.

References

Abalkin, L. I. (1970). *Politicheskaya ekonomiya i ekonomicheskaya politika [Political Economy and Economic Policy]*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Alekseyeva, T. A. (2022). Agent-structural relations: methodology of constructivism. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (4), 77–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07> (In Russ.)

Ananyin, O. I., Voeikov, M. I., Glouveli, G. D., Gorodetskiy, A. E., Grinberg, R. S., & Rubinstein, A. Ya. (2018). *Na puti k novoy ekonomicheskoy teorii gosudarstva [Towards a New Economic Theory of the State]*. In A. Rubinstein (Ed.). Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Auzan, A. A., Maltsev, A. A., & Kurdin, A. A. (2023). Russian Economic Education: Image of the Near Future. *Voprosy ekonomiki*, (10), 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26> (In Russ.)

Bhaskar, R. (1991). Society. *Sotsiologos [Sociologos]* (pp. 219–240). Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

Biryukov, V. V. (2023a). System Paradigm and Development of Alternative Strategies in Constructing Institutional Economic Theories. *AlterEconomics*, 20(3), 505–526. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2> (In Russ.)

Biryukov, V. V. (2023b). The Human Economic Model in the Context of a Systematic Approach to the Study of Economics. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, (3), 155–165. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-3\(102\)-145-155](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-3(102)-145-155) (In Russ.)

Blok, F. (2004). The Role of the State in the Economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*, 5(2), 37–56. (In Russ.)

Bourdieu, P., & Wacquant, J. (1992). *An Invitation to Reflexive Sociology*. University of Chicago Press.

Buzgalin, A. V. (2019). State in the Economy of the XXI Century: Political Economy Interpretation. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 86(3), 7–18. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3\(86\)-7-18](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-3(86)-7-18) (In Russ.)

Buzgalin, A. V. (2021). Public Property and Its State Form: Contradictions and Potential of the USSR. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 95(4), 122–127. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4\(95\)-122-127](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-122-127) (In Russ.)

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2023). Economic Education: A Qualitative Renewal is Necessary and Possible. *Voprosy ekonomiki*, (11), 141–160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-141-160> (In Russ.)

Davis, J. B. (2023). Objectivity in Economics and the Problem of the Individual. *Journal of Economic Methodology*, 30(4), 276–289. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2023.2181374>

Desai, R. (2020). *Geopoliticheskaya ekonomiya: posle amerikanskoy gegemonii, globalizatsii i imperii [Geopolitical Economy: After American Hegemony, Globalization and Empire]*. In S. D. Bodrunov (Ed.). Moscow: Witte Institute for New Industrial Development: Center catalogue. (In Russ.)

Ford, H. (1989). *Moya zhizn', moi dostizheniya [My Life and Work]*. Moscow: Finansy i Statistika Publ. (In Russ.)

Granin, Yu. D. (2024). Civilizations — Real, Imaginary or Constructed Communities? *Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, (2), 14–24. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-14-24> (In Russ.)

Habermas, J. (2000). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral consciousness and communicative action]*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)

- Hegel, G. W. F. (1990). *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Honore, A. M. (1961). Ownership. In A. W. Quest (Ed.), *Oxford essays in jurisprudence* (pp. 112–128). Oxford University Press.
- Jameson, F. (1971). *Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton University Press.
- Jung, H. (2019). The Evolution of Social Constructivism in Political Science: Past to Present. *SAGE Open*, 9(1). <https://doi.org/10.1177/2158244019832703>
- Kapeliushnikov, R. I. (2018). On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy ekonomiki*, (5), 110–128. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-5-110-128> (In Russ.)
- Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics*, 20(1), 59–78. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4> (In Russ.)
- Kleiner, G. B. (2019). The Principles of Duality in the Light of the System Economic Theory. *Voprosy ekonomiki*, (11), 127–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149> (In Russ.)
- Kolganov, A. I. (2022). The Economic Function of State Paternalism: The Preproduction of Patronized Goods or Investments in Development? *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]*, (10), 5–16. <https://doi.org/10.31857/S020736760021857-1> (In Russ.)
- Kurdanova, M. H. (2021). Modern Constitutional Reform in the Context of Real Civil Power Model. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, (7), 183–189. <https://doi.org/10.31857/S102694520016189-8> (In Russ.)
- Lari, T. (2021). When does Complementarity Support Pluralism about Schools of Economic Thought? *Journal of Economic Methodology*, 28(3), 322–335. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2021.1945659>
- Lawson, T. (2003). *Reorienting Economics*. Routledge.
- Makarenko, V. P. (2009). Political Conceptology. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (6), 149–167. (In Russ.)
- Maltsev, A. A. (2023). Peter the Great and Interdisciplinary Synthesis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Lomonosov Economics Journal]*, 58(2), 3–19. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-1> (In Russ.)
- Martyanov, V. S. (2021). In Search of Another Mainstream. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09> (In Russ.)
- Martyshin, O. V. (2018). The History of the Generation of the Concept of “State”. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*, (4), 37–48. (In Russ.)
- Marx, K. (1986). *Kapital [Capital]. Vol. 3. Book 3. Ch. 2*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Marx, K. (1988). *Kapital [Capital]. Vol. 1. Book 1*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Melnik, D. V., & Ananyin, O. I. (2023). The Discourse on Ownership in the Soviet Political Economy. *Voprosy ekonomiki*, (10), 27–52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-27-52> (In Russ.)
- Mises, L. (1995). *Liberalizm i klassicheskie tradicii [Liberalism: Classical Tradition]*. Moscow: Delo Publ. (In Russ.)
- Momdzhyan, K. Kh. (2022). Substantial Approach in Theoretical Social Science, Its Necessity and Principles. *Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, (2), 71–82. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-2-71-82> (In Russ.)
- Momdzhyan, K. Kh. (2023). Society as an Institutional Form of Social Reality. *Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, (4), 18–28. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-18-28>
- Moon, D. S. (2013). ‘Tissue on the Bones’: Towards the Development of a Post-Structuralist Institutionalism. *Politics*, 33(2), 112–123. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12004>
- Nekipelov, A. D. (2023). The Crisis of the General Theory and Some Problems of Economic Education. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free*

Economic Society of Russia], 239(1), 36–44. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-239-1-36-44> (In Russ.)

North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]*. Translated from English by A. N. Nesterenko; In B. Z. Mil'ner (Ed.). Moscow: Nachala. (In Russ.)

North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki: Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Translated from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow: Gaydar Inst. Publ. (In Russ.)

Oyken, V. (1996). *Osnovy natsional'noy ekonomiki [The Basics of National Economics]*. Translated from German by A. Yu. Chepurensko, V. I. Rubtsov, V. P. Gutnik; In V. S. Avtonomov, V. P. Gutnik, K. Kherrmann-Pillat (Eds.). Moscow: Ekonomika, 351. (In Russ.)

Panov, P. V. (2015). Institutionalism(s): Explanatory Models and Casuality. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (3), 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09> (In Russ.)

Pavlenko, Y. (2023). Civilizational and Formational Components in the Development of the Modern State. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]*, (12), 5–14. <https://doi.org/10.31857/S020736760029159-3> (In Russ.)

Polterovich, V. (2016). Positive Collaboration: Factors and Mechanisms of Evolution. *Voprosy Ekonomiki*, (11), 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-5-23> (In Russ.)

Rodrik, D. (2018). Second Thoughts on Economics Rules. *Journal of Economic Methodology*, 25 (3), 276–281. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2018.1490441>

Rogozhnikova, V. T. (2023). The Subject and Main Directions of Modern Philosophy of Economics. *Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, (11), 23–33. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-11-23-33> (In Russ.)

Ross, D. (2022). Economics is Converging with Sociology but not with Psychology. *Journal of Economic Methodology*, 30(2), 135–156. <http://dx.doi.org/10.1080/1350178X.2022.2049854>

Rosser, J. B., & Rosser, M. V. (2017). Complexity and Institutional Evolution. *Evolutionary and Institutional Economic Review*, 14(2), 415–430. <https://doi.org/10.1007/s40844-016-0060-3>

Ryazanov, V. T. (2010). Russian School of the Economic Thought: Common Universal and Specific National Features. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [St. Petersburg University Journal of Economic Studies]*, (3), 66–84. (In Russ.)

Ryazanov, V. T., & Osadin, N. N. (2006). Public Property and Its Role in the Formation of a Market Model of the Russian Economy. *Problemy sovremennoy ekonomiki [Problems of modern economics]*, 1/2(17/18), 54–59. (In Russ.)

Samuels, W. (2002). Institutional Economics. In D. Greenaway, M. Bleaney, I. Stewart (Eds.), *Companion to Contemporary Economic Thought. Vol. 1* (pp. 125–141). St. Petersburg: The School of Economics Publ. (In Russ.)

Sayer, A. (2007). Moral Economy as Critique. *New Political Economy*, 12(2), 261–270. <https://doi.org/10.1080/13563460701303008>

Shastitko, A. E. (2024). Economic Education as a Mirror of Interdisciplinary Discourse. *Voprosy ekonomiki*, (1), 137–153. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-137-153> (In Russ.)

Shchennikova, L. V. (2022). Property Law in the Reflection of Foreign Civil Law. *Gosudarstvo i parvo [State and Law]*, (12), 145–151. <https://doi.org/10.31857/S102694520020674-2> (In Russ.)

Shils, E. (1975). *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. University of Chicago Press.

Smith, A. (1962). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]*. Moscow: Sotsekgiz Publ. (In Russ.)

Solovyov, A. I. (2016). The State as Manufacturer of Policy. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, (2), 90–108. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.08> (In Russ.)

Stepanenko, R. F. (2021). Cumulative Interest of Legal and Economic Sciences in Interdisciplinary Research of Modern Social Problems. *Gosudarstvo i parvo [State and Law]*, (5), 42–54. <https://doi.org/10.31857/S102694520014854-0> (In Russ.)

- Stepin, V. S. (2012). Scientific Rationality in the Technogenic Culture: Types and Historical Evolution. *Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]*, (5), 18–25. (In Russ.)
- Šubr, J. (2013). Individualism Versus Holism: An Attempt to Overcome Theoretical Dualism. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, (1), 28–46. (In Russ.)
- Tikhomirov, Yu. A. (2022). Subjects and Their Interests in the Legal Space. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, (7), 7–21. <https://doi.org/10.31857/S102694520021006-7> (In Russ.)
- Tkachenko, L.I. (2023). Designing of a Modern Scientific Paradigm as the Basis of Russia's Economic Policy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 103(4), 22–38. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4\(103\)-22-38](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-4(103)-22-38) (In Russ.)
- Toffler, A. (2001). *Metamorfozy vlasti [Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century]*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Trubitsyn, D. V. (2024). Post-Institutionalism versus Economic Science: Critical Analysis. *Voprosy ekonomiki*, (3), 143–159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-3-143-159> (In Russ.)
- Venediktov, A. V. (1948). *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost' [State Socialist Property]*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.)
- Vinnitskiy, A. V. (2013). *Publichnaya sobstvennost' [Public Property]*. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Омская гуманитарная академия; <https://orcid.org/0000-0002-3385-3603> (Российская Федерация, 644105, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, д. 2А; e-mail: sciencebv@gmail.com).

About the author

Vitaly V. Biryukov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy; <https://orcid.org/0000-0002-3385-3603> (2A, 4th Chelyuskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation; e-mail: sciencebv@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 20.02.2024.

Прошла рецензирование: 11.03.2024.

Принято решение о публикации: 06.06.2024.

Received: 20 Feb 2024.

Reviewed: 11 March 2024.

Accepted: 06 Jun 2024.